

Маріанъ Глушкевичъ

Чары Галицкой Руси

Этот небольшой стихотворный сборник является первым представлением поэзии Мариана Феофиловича Глушкевича современному читателю.

По здравом размышлении мы решили проиллюстрировать отобранные для публикации стихи столь любимыми автором пейзажами его Родины.

Как тонкий лирик Мариан Глушкевич обладал удивительным даром соединять на пространстве небольшого стиха мир возвышенных чувств с удивительным миром природы Прикарпатья.

Составитель - *Наталия Гаттас*

Дизайн - *Сергей Стафеев*

Электронное издательство Наталии Гаттас

Нью-Йорк – Санкт-Петербург, ММХIV

Мариан Феофилович Глушкевич (1877-1935)

ИДУ К ТЕБЕ

У всего сущего свой час. И является неявленное, и открываются стародавние тайны, уставшие от пыли времени, от невидимой жизни по иную сторону. И забываемое прошлое тихо входит в настоящее, а настоящее неизбежно стремится в будущее, становясь прошлым в свой черед. И недаром говорят, что времени нет, но есть неостановимый поток жизни, и в какой-то момент бьет урочный час. Почему-то...

Пробил час, и в очередной раз взяла я в руки книжечку Василия Ваврика (1889-1970) "Краткий очерк галицко-русской письменности". И почему-то на сей раз задержалась на биографии Мариана Глушкевича: доктор юридических наук, судья, адвокат, общественный деятель, поэт-лирик. Ничего себе сочетание. Правда, русский мир так богат разнородными талантами: Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Бородин, Гончаров, Адмирал Ушаков, Замятин - несть числа. А теперь вот - Мариан Глушкевич.

Открываю Интернет: Мариан Феофилович Глушкевич (1877-1935), повторение статьи Ваврика, а в конце стих:

*Приди ко мне в полночный час,
когда в величии суровом,
под тихой ночи звездным кровом
утонет в грезах старый вяз, -
в тот тихий час с тоской в груди
приди ко мне, приди, приди...*

Уже поздно, спать пора. Но какой сон! Летела я под звездами к старому вязу в грезах в полночный час, где ждал Он..

Утром - стрелой в главную городскую библиотеку. Где стихи? Да, есть два сборника в разных штатах. Можно заказать, пришлют. Ах, горькое терзание: ждать и догонять. Дождалась. Забыв дышать открываю "Сборник стихов" 1907 г. Вмиг - копию. Читаю, живу в стихии тончайшей поэзии...

*Я ждал тебя под вечер вешний,
В саду, где яблони цвели,
Где белым роем цвет черешни
Кружился в золотой пыли...*

И снова - урочный час: в руках еще один сборник "Символы и иллюзии", 1922 г. И опять забываю дышать: книга неразрезанная, т.е. с 1922 г. здесь я - первая читательница. Вот как иногда бьют часы - тут через 91 год. Хотя рецензии на сборник в Галичине были.

*С ленивым гулом катит время
громады волн во тьму пустынь...*

Но...остается ненайденным третий сборник стихов. Лечу в Россию. Из Внуково - прямо в Румянцевскую библиотеку. С багажом.

Мой родной город хранил для меня немислимый подарок: третий сборник Глушкевича "Мелодии", 1903 г. Да не простой, а золотой: с дарственной надписью рукой самого поэта. Время перестает быть, расстояния тоже, едина с "Мелодиями", сливаюсь с неземной красотой:

*Я видел: в отблеске румянном
закат весенний угасал,
восток подернулся туманом,
на землю тихий сон слетал.....*

Книжечка тоненькая, скоро кончается, возвращаюсь к началу еще и еще раз....

*Овеян сном очарованья,
молился я на образ твой,
и светлых мыслей упованья
царили в выси неземной....*

В стихах Мариана Глушкевича моменты экстатического счастья чередуются с печалью, ощущением забытости и ненужности, и все это неотъемлемая часть жизненных переживаний, где воедино покой, грусть, чудо новизны, полыхающая страсть-любовь, заоблачный мир, непознаваемое и недостижимое нечто, воспоминания о невозвратимых утратах, упованье.... Тончайшие ускользающие чувства и видения передаются чарующим Словом. Язык Глушкевича прекрасен, слова его - зов в

нездешнюю красоту, туда, где слышны звуки Небес....

И еще одно жемчужное сведение - называли Глушкевича Галицким Лермонтовым: тоска и одиночество охватывали его, судя по стихам, достаточно часто:

*Я устал. Мне ненавистен
Мутный бред людских страстей.
Я устал от ложных истин,
От врагов и от друзей*

х х х

Итак, я обладательница, пусть в копиях, всех трех книг стихов замечательного карпаторусского поэта из Галицкой Руси (Червоной Руси) Мариана Феофиловича Глушкевича. Но, к великой моей грусти, нет ни в одном сборнике ни предисловия, ни послесловия. О бытии Глушкевича известно крайне мало.

Из посвящения к изданию 1907 г. узнаем имя его жены: Александра. Ваврик сообщает нам, что она была дочерью Богдана Дедицкого – первого профессионального журналиста Галичины. "Символы и иллюзии" посвящены дочери Татьяне. Стих "В снежной дымке деревушка" увозит нас к матушке-старушке поэта. Но деревня остается без названия. Был брат, рано ушедший из жизни (не позже 1903 г.)...

Федор Федорович Аристов пишет, что родился Мариан Глушкевич в семье священника, 9 лет был отдан в немецкую гимназию. Прибавим сюда еще крохи сведений Ваврика: в 1915 году Мариан Глушкевич был принят в Братство Ставропигийского Института во Львове в один день с Богданом Феофиловичем Глушкевичем. Редкое отчество позволяет предположить, что это был брат - доктор философии, тоже писавший стихи, публиковавшиеся, в частности, в "Галицко-Русской Матице".

Во время пребывания Русской армии в Перемышле в 1914-1915 гг. Глушкевич был городским головой. Отступил вместе с армией, оказался в Ростове-на-Дону, где стал директором банка. Там же в 1917 г. издал брошюру "Взгляд на прошлое, настоящее и будущее Прикарпатской Руси".

Есть еще у Ваврика короткое упоминание о Глушкевиче: в 1929 г. поэт написал стихотворение в честь выдающегося карпаторусского ученого-археолога Исидора Шараневича и отослал стих Федору Аристову.

x x x

Что делал и как был Мариан Глушкевич до 17 июля 1935 года, когда перестал жить, и почему так рано покинул нашу землю, пока неизвестно. Упокоился он в Братской могиле русских журналистов на Лычаковском кладбище во Львове. Книги его не переиздавались, имя и деятельность его засыпаются прахом забвения. Но...

Снова бьет урочный час, и я не дам исчезнуть его имени
и волшебной поэзии во тьме пустынь...

Мариан, приходи ко мне в настоящее будущее,
Приди ко мне в будущее настоящее,
Я жду тебя в глухую полночь зимой
И в золотую осень,
И когда летит черешневый карпатский цвет -
И всегда....

Наташа Гаттас

На склонѣ дня, когда уснетъ
трудоу докучная забота,
мнѣ чудится въ тиши, что кто-то
меня по имени зоветъ.

Я слышу голосъ тихій, ясный,
какъ звонъ далекихъ каланчей:
Не омрачай, мой другъ несчастный,
слезой тоскующихъ очей !

Утѣшься, другъ мой ! Скорбныхъ дней
растаетъ память дымкой мглстой,
и въ тихихъ ласкѣ истомѣ чистой
уснешь ты на груди моей.

Я образъ неземныхъ видѣній
въ младую грудь твою вселю,
я даромъ пѣсень окрылю
твою мечту, твой юный геній.

И чудится въ тиши вечерней
такая рѣчь душѣ моей,
и какъ дитя, все суевѣрнѣй,
жду радостныхъ, счастливыхъ дней.

И на меня какъ-будто дышетъ
весенній вѣтръ отрадой думъ,
и чыхъ-то крылъ неясный шумъ
душа въ смятеньи чуткомъ слышитъ.

Мнѣ-ль пѣсни пѣть ? Напрасная мечта!

Мнѣ измѣнило сладострастьє пѣсень.

О томъ, какъ жизнь любя, какъ мѣръ чудесень,

не запоешь ужь птичка-сирота,

заблудшая изъ странъ безсмѣнныхъ вѣсень.

Моя душа — безпѣсенная осень...

БАЛЛАДА

Отъ рыбаковъ на синемъ Сянѣ
я слышалъ этотъ тайный сказъ:

Давно, — а какъ давно, ужъ кто-вѣсть,
о томъ не сказываетъ повѣсть, —
рыбачкѣ молодой Оксанѣ
кудрявый полюбился князь.
Тутъ ужъ не знаю, — только разъ
нашъ братъ рыбакъ глядитъ: по Сяну
ладья несется что стрѣлой,
въ ладѣ той княжичъ молодой
увезъ любовь свою Оксану.
А мѣсяцъ грѣлъ — вотъ какъ сейчасъ...

Наутро старый князь, какъ всталъ, —
конечно, онъ не догадался,
что княжичъ съ замкомъ въ ночь
разстался, —
къ престолу сына призываетъ,
сбирать княжчину посылаетъ.
А сынъ все дальше убѣгалъ...

Не знаю какъ, но старый князь,
узнавъ, что княжичъ, сынъ преступный,
бѣжалъ съ рыбачкою Оксаной,
кричитъ боярамъ, разсердясь:
„гонцовъ за нимъ и за... поганой !“
А князь пощадѣ недоступный...

И тутъ какъ тутъ на строгій судъ
сзываетъ онъ совѣтъ свой мудрый.
Но мѣсяцы-года проходятъ,
а слуги княжича не вводятъ, —
все въ гридницѣ бояре ждутъ, -
не ѣдетъ княжичъ златокудрый...

И въ замкѣ плачь, печаль и стоны,
княгиня плачетъ-причитаетъ,
все сердце горе ей вѣщаетъ...
Смягчившись, князь кладетъ поклоны,
постится, строить храмъ святой...
Не ѣдетъ княжичъ молодой...

Ужь нѣтъ его на бѣломъ свѣтѣ...
Съ Оксаною въ дворцахъ подводныхъ
прядутъ они златыя сѣти,
другъ друга любятъ словно дѣти
и рыбочекъ пасутъ голодныхъ.
И мѣсяцъ золотой имъ свѣтитъ...

И лишь, когда въ такую ночь
княгиня-мать на Сянь выходитъ
и жалостную рѣчь заводитъ, —
встаетъ къ ней княжичъ молодой
и молить — горе превозмочь...
И свѣтитъ мѣсяцъ золотой...

Среди аллей ночныхъ тѣней
глядя на бѣлосвѣздный мостъ,
мы вняли скрипъ душистыхъ липъ,
и тайный сказъ пугливыхъ звѣздъ...
Межъ темныхъ хвой туманъ сѣдой,
бродя, опаломъ отливаль,
а ручеекъ волнами строкъ
молитву сна цвѣтамъ шепталъ.
Сквозь занавѣсъ златыхъ небесъ
былъ видѣнъ храмъ волшебныхъ сновъ,
и жадный умъ, исполненъ думъ,
виталя на грани облаковъ...
И все вокругъ замолкло вдругъ,
лишь сердце пѣло пѣснь безъ словъ, —
къ намъ въ этотъ мигъ шла безъ веригъ
святая грѣшница — любовь...

Какъ часто утромъ молодой весны
съ налета тучи солнце затемняютъ,
и будто хмурится кристалль волны,
и птицы пискомъ берегъ оглашаютъ...

А тамъ, гляди, уже громады тучъ
ушли далёко, за лѣса, за горы,
и снова ластится къ намъ теплый лучъ,
и вновь щебечуть рѣзвыхъ птичекъ хоры.

Не такъ ли ревность намъ подчасъ
на сердце налетитъ грозой-ненастьемъ,
и мрачной думой потревожитъ насъ,
но, прыснувъ, обновитъ насъ тихимъ счастьемъ ?

Къ чему вновь чаръ лукавыхъ сила
и фальшь тѣхъ взглядовъ, ядъ рѣчей ?
Тебя ужъ сердце схоронило,
тебя ужъ нѣтъ въ душѣ моей.
Тамъ тишь... развѣянь чадъ мечтаній,
во тьмѣ расплылся фиміамъ,
тамъ нѣтъ обманчивыхъ желаній,
изъ чувствъ святыхъ лишь жалкій хламъ.
Печаль и стонъ давно кладбищный
души оставили предѣлъ,
и коршунъ мести, дикій, хищный,
зловѣще каркнувъ, улетѣлъ.
Оставь мой трупъ въ пустынь боя,
Его съ шакаломъ не терзай,
души могильнаго покоя
молитвой злой не оскверняй!

Я молодъ былъ... Красы твоей
раждалась тайна тихой пѣсней,
какъ зарево весеннихъ дней,
все ярче, все пышнѣй, прелестнѣй..,

Я молодъ былъ... А вѣсны кругомъ,
какъ сны, намъ на яву текли,
и мы, влюбленные, другъ другомъ
налюбоваться не могли.

Намъ чувства жаръ не измѣнялъ,
отъ грусти сердце не темнѣло,
я пѣсни для тебя слагалъ,
и пѣсни на-диво ты пѣла...

Невинныя, несмѣлыя,
прекрасныя мечты,
какъ духовъ крылья бѣлыя,
какъ бѣлыя цвѣты,
онѣ лишь разъ намъ снятся.

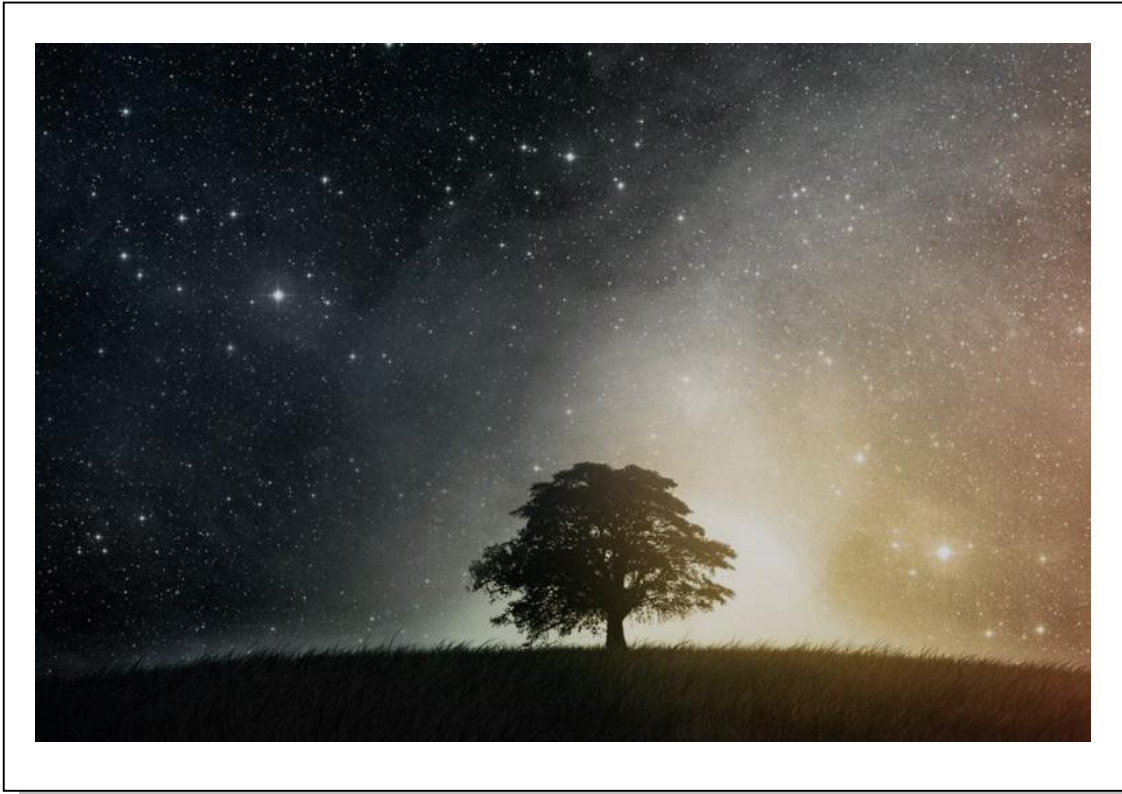
Какъ тучекъ тѣни вешнія,
какъ призраки весны,
несримые, нездѣшніе,
несбыточные сны,
они не возвратятся.

Лишь отзвуки чудесныя
безсмертны на землѣ,
и лишь лучи небесныя
воскреснуть въ вѣчной мглѣ, —
и звѣзды загорятся.

А видѣль: въ отблескѣ румяномъ
закатъ весенній угасаль,
востокъ подернулся туманомъ,
на землю тихій сонъ слеталь.
А тамъ, подъ небомъ синей дали
отара тучь шла на ночлеги, —
рѣзвухи, видно, опоздали
и стадно ускоряютъ бѣги.
Но вотъ одна изъ нихъ отстала,
ей не догнать сестричекъ-тучь!
Она ужъ путь свой потеряла,
для ней угасъ завѣтный лучъ.
Напрасно бѣдная просилась
къ небеснымъ высямъ на покой,
напрасно зоренькамъ молилась,
терзаясь страхомъ и тоской.
Иная жизнь небесной снилась —
въ красѣ полей, въ земныхъ цвѣтахъ,
и, чуя смерть, она склонилась
и вся растаяла въ слезахъ.

Приди ко мнѣ въ полночный часъ,
 когда въ величїи суровомъ,
 подъ тихой noci звѣзднымъ кровомъ
 утонетъ въ грезахъ старый вязъ, —
 въ тотъ тихій часъ, съ тоской въ груди,
 приди ко мнѣ, приди, приди!

Придешь-ли ты? Въ тотъ чуткій часъ
 молитвъ и страстныхъ заклинаній,
 любви восторговъ и страданій,
 въ вѣнкѣ изъ розъ, съ сіяніемъ глазъ,
 одѣта ризой темноты, —
 придешь-ли ты, придешь-ли ты ?

Приди ко мнѣ! Въ тотъ чудный часъ
 въ дворцахъ волшебной феи — noci
 кровавымъ потомъ злыя очи
 нужды не напугаютъ насъ!
 Печаль развѣтетъ пѣснь моя
 и пѣснь страдальца — соловья!

Приди ко мнѣ! Въ тотъ дивный часъ
 въ рѣкахъ русалокъ хоры грянутъ,
 сердца живѣе биться станутъ,
 цвѣты распустятся для насъ,
 свершатся грезы юныхъ сновъ, —
 приди, приди, моя любовь!

Мы поздно ночью возвращались...

Межь скалъ и горъ летѣль нашъ челнъ,
подъ нами въ безднахъ многозвѣздныхъ
земля и небо отражались —
земля и небо въ царствѣ волнъ.

Мы поздно ночью возвращались...

И быстро-быстро мы неслись,
и въ отраженьи наши тѣни
въ зыбяхъ межъ звѣздъ заколыхались,
затрепетали и слились.

Мы поздно ночью возвращались...

Нась мучилъ призракъ мрачныхъ сновъ...
То не про насъ-ли зорьки гасли,
то мы-ль съ тобою разставались,
иль съ нами разсталась любовь?

Мы поздно ночью возвращались...

Моя душа — изгнанница небесъ,
ея паденію безсильно сострадаю,
но, плодъ случайной похоти тѣлесь,
твое изнѣженное тѣло презираю.
На немъ не разъ, законъ и честь губя,
прелюбодѣйный взглядъ безстыдно спотыкался,
его нагимъ соблазномъ мозгъ мой раздражался,
и, имъ гордясь, ты пала, плоть любя.
Твоя любовь въ потемки моего разсудка
роняла тихо смертоносный ядъ,
твоя любовь была безжалостная шутка,
голодной страсти гнусный маскарадъ.
Твоихъ восторговъ подкупающее взрывы
мой умъ растлили, выжгли кровь изъ жиль...

Такъ женамъ Рима жалкій рабъ служилъ,
влача послушно плоть на властные призывы.

Вчера, какъ на небѣ зарница взошла,
къ тебѣ я пробрался украдкой...
Раскинувши косы ты тихо спала,
дышала истомою сладкой.
И ландышъ, что спалъ у тебя на груди,
обнявшись съ пылающей розой,
казалось, молился: не тронь, не буди,
упиться дай чудною грезой!
Ей снятся любовные, чистые сны,
безъ горя, безъ ревностной муки,
въ воздушныхъ зыбяхъ вѣчно юной весны
ей чудятся дивные звуки.
И мѣсяцъ ту ночь словно сказкой одѣлъ,
чарующей, властною сказкой,
и тайнъ твоихъ сновъ я исторгнуть не смѣлъ
ни пѣснью, ни робкою лаской...

Пахнуло весною меж вѣтокъ сухихъ,
развѣяло призракъ листвы захирѣвшей, —
растаяла память тоски наболѣвшей,
воскресли сердца отъ страданій глухихъ.

Пахнуло весной, и въ захлаюю грудь
нахлынули чувства волною кипучей,
невзгоды умчались мутною тучей, —
давай же по старому пѣсни тянуть.

Какъ будто въ живомъ, зачарованномъ снѣ,
въ блаженномъ покоѣ любви беззавѣтной
мирьядами жизней съ улыбкой привѣтной
хвалебныя пѣсни поются веснѣ.

Весна, о весна, возврати мнѣ ты вновь
и радость и скорби умчавшихся весень,
и лучъ твоихъ взглядовъ пролей въ мою кровь,
отдай мнѣ любовь и тоску моихъ пѣсень,

Всѣ шумятъ и шумомъ смутнымъ
 бушуетъ вихрь въ осенней тѣмѣ...
 Мой милый другъ, побудь при мнѣ, —
 такъ тяжело думамъ безпріютнымъ,
 такъ страшны призраки во снѣ.

Съ лѣнивымъ гуломъ катить время
 громады волнъ во тѣму пустынь, —
 въ груди кипитъ слеза-попынь,
 кошмаръ, какъ склепъ, сдавилъ мнѣ темя,
 уймись больная кровь, остынь. . .

Не стынетъ кровь, — то жаръ, то стужу
 она, клубясь, бросаетъ въ грудь,
 мнѣ душно, другъ мой! Ни уснуть,
 ни боль въ слезахъ излить наружу!
 приди, желанная, побудь!

Ты помнишь юнаго поэта ?
 Подъ шумъ, подъ майскій шумъ березъ
 тебѣ онъ счастье первыхъ слезъ,
 тебѣ онъ зарево привѣта,
 и клятву и обѣтъ принесь.

Приди - же утолить больного,
 дай руку мнѣ, мой бѣдный другъ!
 И ты, ты исцѣлишь недугъ
 одной мечтой и лаской слова
 ты подкрѣпишь мой павшій духъ!

Мечеть вьюга снѣжной пылью,
зашумитъ ли хмурный лѣсъ,
на-душу мнѣ старой былью
налетаютъ сны чудесъ.

Широко раскрывши глазки,
слышу бабушкины сказки
подъ гудѣнье самопрялки —
о, любви молодой русалки,
о забытомъ цвѣтѣ счастья,
и о козняхъ вѣдьмы гнѣвной,
и о золотомъ запястьи,
въ море брошенномъ царевной.

Свѣтъ луны дрожитъ — играетъ
зайчиками на коврѣ,
на дворѣ собачка лаетъ,
скучно бѣдной на дворѣ.

И, забившись въ пухъ кровати,
трепещу какъ въ лихорадкѣ,
весь ушедши въ слухъ и зрѣнье...
Вотъ кипитъ — гремитъ сраженье,
вражья кровь струею льѣтся,
рыцарь скачетъ, врагъ сдаѣтся,
сердце, мѣся, ждетъ развязки, —
чудо бабушкины сказки!

Вѣтеръ долу клонить ивы,
лѣсъ таинственно шумить,
это юность шепчетъ дивы,
юность сказки говорить.

И, стуча клюкою, входитъ
въ одинокій, жуткій часъ
жизнь-забота - и заводитъ
свой унылый, скорбный сказъ...

ПАМЯТИ БРАТА

Когда подъ волшебными крыльями ночи
природа почіетъ въ объятіяхъ сна,
когда, опуская уставшія очи,
таинственно сходитъ на міръ тишина, —
тогда я, печальною думой обвѣянь,
брожу какъ безумный по садикѣ томъ,
что, словно звѣздами, крестами усѣянь,
гдѣ крестъ на могилѣ, гдѣ ты подъ крестомъ.
Къ землѣ, къ пеленѣ я твоей припадаю,
и -слезы текутъ бороздами ланитъ,
и жалобой страшной я ночь оглашаю:
»за что, ахъ за что ты на вѣки зарыть ?«

Я въ слезныхъ словахъ жду исхода страданьямъ.
Прочь слезы, прочь жалобы жалкія, прочь!
Въ груди возмущенной не мѣсто рыданьямъ!
Мой разумъ мутится, въ душѣ моей ночь!

Гдѣ смерть? Приходи! Не уйдешь безъ допроса!
За что, оправдайся, какъ юный орелъ,
тобою онъ свергнуть съ вершины утеса
въ глухой, непроглядный, таинственный долъ?!

И вновь я къ могилѣ твоей припадаю,
и вновь, подъ таинственный шопоть ракиль,
я землю потоками слезъ орошаю...
и тѣнь твоя слезы тѣ благословить.

Люблю вечерній, тихій сумракъ лѣта,
когда усталый день смыкаетъ очи,
и, жмурясь отъ дневного полусвѣта,
на небосводъ выходитъ жрица ночи.

Свѣтло. Дыханьемъ страстнымъ воздухъ жжетъ,
и тайны-чары въ дрожь бросаютъ плечи,
и до крови тоска мнѣ сердце рветъ,
и, замирая, жду знакомой встрѣчи.

Душа рыдаетъ, будто духъ опальный,
отъ жгучихъ грезъ мучительныхъ ночей...
Но, утоливъ тоску слезой прощальной,
мы жарче вѣримъ, любимъ горячѣй...

Я помню... Мы средь темноты
за мороженые стояли,
и наши чистыя мечты
въ созвучьяхъ дивныхъ тайнъ дрожали.

Я помню зарево разсвѣта,
росистыхъ листьевъ бирюзу,
улыбку милаго привѣта,
разлуки тайную слеву.

Овѣянь сномъ очарованья,
молился я на образъ твой,
и свѣтлыхъ мыслей упованья
парили въ выси неземной.

Я помню... И мнѣ снится вновь
давно забытый, дѣтскій рай,
и недожитая любовь
зоветъ ко мнѣ: прости... прощай...

Мнѣ жаль тебя, мой одуванчикъ счастья,
какъ жертву блудныхъ, показныхъ приличій,
какъ выжитой прадѣдовскій обычай,
какъ блѣдный цвѣтъ, расцвѣтшій въ часъ
ненастья.

Мнѣ жаль тебя, какъ горькую улыбку,
какъ смѣхъ, шуту на базарѣ послушный,
мнѣ жаль тебя, какъ золотую рыбку
въ стекляномъ ручейкѣ въ гостинной душной...

Друзьям
М. Э. Глушкевича

Когда, друзья, мечтами опьяненный,
Я ваших весь заслушаюсь бесѣдъ,
Тогда предъ вашимъ кругомъ преклоненный,
Твержу вамъ мой восторженный привѣтъ:

Впередъ, впередъ, герои молодые,
Ставайте подъ родное знамя въ рядъ,
Любви, науки мечъ и щитъ святыя
Пусть славой родину намъ озарятъ!

Пусть трудъ, тотъ гордой вольности родитель
Страстямъ, безволю, лжи живой укоръ,
Пріемлетъ васъ въ священную обитель,
На васъ направитъ прочихъ братьевъ взоръ.

Бодритесь духомъ, силы призывайте,
Пусть силу духа освятитъ любовь,
Свободой гордыя главы склоняйте
Предъ вѣрой въ счастье будущихъ вѣковъ!

Завѣтные слова святой отчизны:
„За Русь и за свободу жизнь и трудъ“
Пусть наконецъ грудями нашей жизни
Въ желанный, прочный подвигъ возрастутъ!

А ты великій, мощный, неизмѣнный,
Ты, русскій духъ, свой храмъ благослови
И юный жаръ дружины вдохновенной
Огнемъ святыхъ порывовъ оживи!

Изъ цикла
„Любви приливы и отливы“.

Когда тебя со мною нѣтъ,
я боленъ отъ тоски и скуки
и дни тяжелые разлуки
ползуть какъ рядъ тюремныхъ лѣтъ.

На что мнѣ солнца дивный свѣтъ?
на что орлиныя мнѣ очи?
для нихъ и день темнѣе ночи,
когда тебя со мною нѣтъ.

Не сладокъ мнѣ друзей привѣтъ
и чужды радость и забвенье,
и дни, какъ рядъ тюремныхъ лѣтъ:
ни жизнь, ни смерть, ни сонъ, ни бдѣнье.

Леся, Леся, день воскресь!
глянь, въ туманѣ серебристомъ
вспыхнулъ дальній край небесъ,
скрыла въ перлѣ сих чудесъ, —
Леся, Леся, день воскресь !

Леся, Леся, полно спать!
мы въ поля, въ лѣса ускачемъ,
будемъ пѣсни напѣвать,
будемъ сны твои гадать,
посмѣемся и заплачемъ,..
Леся, Леся, полно спать!

Леся, Леся, что съ тобою?
ты печальна, ты блѣдна !
иль терзаешь грудь тоскою,
сердце ль злымъ видѣнемъ сна ?
Леся, Леся, я съ тобою !
Леся! Видишь, подъ слезою
таетъ призракъ отъ лучей,
слезы-жъ лаской и мольбою
свѣю я съ твоихъ очей!
Леся, Леся, я съ тобою!

Мы зимніе цвѣты — снѣжинки,
Мы зорьки позднихъ, тусклыхъ дней,
Мы вешнихъ лепестковъ нѣжнѣй,
Нѣжнѣй осенней паутинки.

Мы кружимся, волнуемъ, любимъ
И опьяняемъ какъ весна,
Но томнымъ зноемъ, какъ она,
Сердцеъ уставшихъ мы не губимъ.

Какъ мать дитя подъ шопоть сказки,
Сердца уложимъ мы ко сну
И будемъ пѣть имъ про весну,
Чтобъ снились имъ былыя ласки.

Въ снѣжной дымкѣ деревушка,
Вечеръ сталъ бѣлѣе дня, —
Что тамъ матушка-старушка,
Ожидаетъ-ли меня?

Въ небѣ зорька глянетъ къ зорькѣ,
Глянетъ, вспыхнетъ, задрожитъ,
Въ окнахъ хатокъ на пригоркѣ
Алой искрой пробѣжитъ.

Колокольчикъ подь горою
То залетитъ, то вздохнетъ,
То соловушкомъ, порою,
Тихо — грустно запоетъ.

Полулежа въ сонной нѣгѣ
Вижу дивный хороводъ:
Вкругъ меня рѣзвится въ снѣгѣ
Эльфовъ крошечный народъ,

И ведетъ ко мнѣ на встрѣчу
Свиту среброкудыхъ ивъ, —
И звенитъ старинной рѣчью
Сказки сладкій переливъ...
Кони фыркаютъ, шагая
Будто стали... гдѣ-же я?
Здравствуй, мама дорогая,
Здравствуй, добрая моя!

Прости! На непамять потерянных дней,
Что я ни печальной улыбки твоей
Ни взглядовъ не понялъ таинственно-строгихъ;
Прости, что какъ золото жадный богачъ,
Въ безтѣнномъ пріютѣ души не берёгъ ихъ,
Прости непонятный, бывало, мнѣ плачъ!

Зажглась ты еще для незрячихъ очей,
Прости, что какъ узникъ отъ яркихъ лучей,
Во тьмѣ я укрыться хотѣлъ отъ тебя,
Что жаждущей жницѣ далъ въ зноѣ брести,
Прости, что тебѣ не признался, любя,
Прости, въ имя Вѣчной Любви прости!

Я встрѣтилъ васъ... Вашъ взоръ невольно
Моей души смутилъ покой...
Я встрѣтилъ васъ, и сердце больно
Заныло прежнюю тоской.

И въ памяти, зыбясь тревожно,
Въ туманѣ грезъ вашъ образъ всталъ,
Смутясь, я торопился ложно,
Простившись, горько зарыдалъ.

Такъ цвѣтъ, когда къ нему заглянетъ
Съ горячей лаской лѣтній лучъ,
Дрожить, молясь: не жги, не мучь, —
А безъ луча, поникнувъ, вянетъ.

Улетает лѣто знойное,
Блеклою листвою шурша,
Вѣетъ грустью безпокойною,
Бредитъ сномъ былымъ душа.

Пѣсня юности далекая
Жалобный поетъ привѣтъ,
На разлучницу жестокою
Плачетъ счастье юныхъ лѣтъ.

То она, подруга страшная,
Подъ костей превожный лязгъ
Стелетъ тихо ложе брачное,
Манитъ ядомъ смертныхъ ласкъ,

И, смѣясь, рукой холодною
Съ омертвѣлыхъ гонитъ вѣждъ
Грезу юности безплодную,
Слѣдъ обманутыхъ надеждъ.

Вчера я видѣлъ сквозь оконце:
Въ саду, въ дорожкахъ цвѣтника,
Играя сѣточкой на солнцѣ,
Дитя ловило мотылька.

Какъ бы съ дитятею рѣзвясъ,
Онъ улеталъ и возвращался,
И межъ цвѣтовъ, пестро зыбясъ,
То выпорхалъ, то вновь скрывался.

И я тогда еще разъ могъ
Понять, что счастье на свѣтѣ
Для насъ лишь дивный мотылекъ,
А мы лишь дѣти, дѣти, дѣти...

Послѣднихъ розъ душистое дыханіе
По саду стелется въ закатномъ блескѣ.
На зыбкой, паутинной занавѣскѣ,
Какъ въ храмѣ на старинномъ, чудномъ
фрескѣ,
Играетъ легкихъ тѣней колыханіе.

Въ саду тоска, и грусть, и увяданіе;
Его чарующая пѣсня спѣта,
И съ тихой нѣгой гибнущаго лѣта
Струится вздохъ послѣдняго привѣта:
Послѣднихъ розъ душистое дыханіе.

Въ душѣ печаль и тихое страданіе;
Изъ сумерекъ ея тоски глубокой
Струится память о любви далекой,
Струится струйкой тихой, одинокой:
Душистыхъ розъ послѣднее дыханіе...

Въ странѣ безъ солнца и эфира,
Межъ двухъ невѣдомыхъ пещеръ,
Какъ грань времени, пространства, міра,
Стоитъ таинственная дверь.
Ни стонъ земной къ ней не доходитъ
Ни дерзкій ревъ колоколовъ,
Какъ караваны тучъ тамъ бродятъ
Лишь призраки надмірныхъ сновъ.
Нежившіе къ той двери мчатся
Готовясь на землю въ отлетъ,
Въ нее-жъ и жившіе стучатся...
Тѣмъ жизнь, тѣмъ сонъ та дверь даетъ.
Я знаю, то не двери счастья,
Но я о счастье не грущу,
Я мира, мира безъ участья,
Я сна, забвенія ищу.
Пусть дѣти солнца къ этой двери
Шлютъ громы дикихъ, славныхъ битвъ, —
Я чую миръ въ глухой пещерѣ,
Покой безъ сновъ и безъ молитвъ.
И что-то тянетъ къ этимъ далямъ,
Влечетъ мой истомленной духъ,
Руля предѣлъ моимъ печалямъ
И тайный лѣкъ на мой недугъ.

То эта дверь меня такъ манитъ,
Пещера плачетъ и зоветъ,
Пещера помыслы туманитъ,
Грозитъ, смѣется и поетъ.
И духъ въ сѣтяхъ сомнѣній бьется
И цѣпи рветъ какъ плѣнный звѣрь...
Но мигъ лишь — и рука прострется
И стукну въ роковую дверь!

Намъ съ тобой не сойтись никогда,
Наша связь не любовь а мученье;
Я силенъ, ты недужно горда,
Я прощаль, тебѣ чуждо прощенье.
Мы безъ бурь въ грозовой тишинѣ
Шлемъ другъ другу нѣмые упреки,
Разстаемся, а наединѣ
На себя-жъ мы и злы и жестоки.
Ты боялась, что страсть безъ веригъ,
И что вѣчно любить мы не сможемъ,
И что мы плѣнены лишь на мигъ,
Лишь обманомъ на счастье похажимъ.
И мы жизнь доживемъ до конца
Въ одинокой и знойной тревогѣ,
И лишь съ тихимъ участиемъ сердца
Отдохнуть на загробномъ порогѣ.
Кто мечтамъ юныхъ лѣтъ измѣнилъ,
Чьи порывы растлило безвластье,
Тотъ въ остывшей душѣ схоронилъ
И любовь и надежду на счастье.

Ни вѣры ни любви, ни дружбы ни участя,
Вездѣ насилія и лжи гнетущій мракъ,
Ни свѣтлыхъ дѣлъ ни грезъ, и мiръ ихъ какъ дуракъ,
Какъ рабъ не знающій ни истины ни счастья.

Предсмертнымъ ужасомъ и злобой братскихъ взглядовъ
развращены сердца и скованы умы,
И только стоны жертвъ, какъ ропотъ плѣнныхъ гадовъ,
Тревожатъ мертвый сонъ подъ сводами тюрьмы.

Памяти Гоголя.

Гдѣ старый Днѣпръ броней какъ витязь блещеть,
Съ тревожной думой въ даль степей стремясь,
Гдѣ по курганамъ лишь ковыль трепещеть,
И стражемъ ходитъ блѣдный мѣсяць князь,
Гдѣ триста лѣтъ въ борьбѣ за Русь съ врагами
Кровавый пиръ справляли козаки,
Гдѣ славу предковъ грозными стихами
Козацкимъ внукамъ пѣли лирники, —
Тамъ Ты рожденъ, тамъ зрѣлъ Твой звѣзчный геній,

Родныхъ степей тамъ чувства расцвѣли,
Тамъ воплотились свѣтлымъ сномъ видѣній
И мысль, и духъ измученной земли.
То вѣщим словомъ, то бичемъ упрека
Пожаръ тревоги Ты зажегъ въ сердцахъ,
Развѣялъ лѣнь и душный мракъ порока
И вѣру въ Русь Ты пробудилъ въ борцахъ.

Съ тѣхъ поръ, когда, какъ лучъ въ темницу ночи.
Закрался Твой глаголь въ мой скорбный слухъ,
Отъ слезъ и мукъ ослѣпнувшія очи
Роняютъ кровь, въ груди вскипаетъ духъ,
И снится мнѣ, далекая какъ счастье,
Безъ слезъ, перерожденная борьбой,
Безъ путъ, низвергнувшая чужевласть,
Родная Русь, воспѣтая Тобой...

Но мы въ плѣну... Тотъ бой, что вѣчной славой
Покрыль Пожарскаго священный щитъ,

Тотъ бой, что вновь былъ поднять подъ
Полтавой,
Его-ль побѣдно Галичъ довершить ?

Увы!.. Нѣтъ пороха въ пороховницахъ,
Тупится мечъ и взоръ ослѣпъ отъ бурь,
И гнутся козаки. На блѣдныхъ лицахъ
Андрія Бульбы тѣнь, Мазепы хмурь...

Въ плѣну мы. И въ плѣну огонь и силы,
Въ плѣну умы, и души, и сердца, —
Живые мертвецы, мы ждем могилы
И камни мечемъ въ братняго борца!

И стыдъ и ужасъ, горе и страданья
На части рвутъ мнѣ сердце. Мы судьбы
Оковамъ ржавымъ ищемъ оправданья!
Мы не въ плѣну. Но мы рабы, рабы!...

Среди развалинъ и могилъ
Людей, событий и стремлений,
Въ тиши закатныхъ озарений
Съ тобою молча я бродилъ.

Цвѣтовъ опали лепестки,
И лавры на вѣнкахъ завяли,
Въ чаду свѣтильни угасали,
Сливалась съ мракомъ боль тоски.

Съ унылой пѣснью на рѣкѣ
Слилось колоколовъ моленье,
И понялъ я въ тотъ мигъ значенье
Румянца на твоей щекѣ.

Вступая въ жизнь, мы разошлись,
Но разошлись мы лишь путями,
А наши души въ грозномъ храмѣ
Лучемъ и тѣнью обнялись.

Среди развалинъ и могилъ,
Въ тиши закатныхъ озарений,
Ты лучъ, ты явь моихъ видѣній,
Источникъ радости и силъ.

Въ души лазоревыхъ затонахъ,
Гдѣ свѣтитъ взглядъ лишь вашихъ глазъ
Какъ твердь зеркальная бездонныхъ,
Моя любовь къ вамъ родилась.

Ей пѣсни пѣли бездны моря,
И кряжъ Карпата снѣговой,
И шумъ лѣсовъ, и слезы горя,
И запахъ нивы трудовой.

Священно-трепетныхъ преданій
Съ грядущимъ днемъ жива въ ней связь,
Земная былъ земныхъ дѣяній
Съ небесной грезой слилась.

Сіянемъ звѣздъ ей путь намѣченъ,
Превыше бурь, орловъ и тучъ,
Гдѣ, можетъ быть; никѣмъ не встрѣченъ,
Скитался вашей мысли лучъ...

Лиловый, синій, изумрудный.
Сребристый сонъ души моей,
Незримой жизни отблескъ чудный,
Все выше, выше и свѣтлѣй

Она стезей эфирно зыбкой
Плыветъ — прекрасна и чиста.
И озаряются улыбкой
Мои печальныя уста.

А.Р. Пащенко.

Въ багряномъ головномъ уборѣ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ, бѣла какъ пухъ,
На берега лѣсистомъ взгорѣ
Явились вы какъ свѣтлый духъ
Живымъ видѣніемъ поэта,
Картиной, пѣснею безъ словъ,
Улыбкой солнца, жрицей лѣта,
Дарящей радость жгучихъ сновъ.

Березки, къ вамъ сойдясь толпами.
Дразнились, трепля вашу шаль,
Смѣясь къ нимъ алыми губами,
Вы убѣгали взоромъ въ даль,
Туда, гдѣ мгла завѣсой тайной
Скрывала лѣсъ, — какая злость! —
Туда, гдѣ проскакалъ случайный
Далекій и веселый гость.

А въ синихъ волнѣхъ глуби зеркальной
Я видѣлъ: старый дубъ въ тотъ мигъ,
Обнявъ васъ ласкою прощальной,
Отъ сладкихъ мукъ главой поникъ...

Быть можетъ, образъ неугасный —
Мечта иль призракъ. Можетъ быть...
Но восхитительно-прекрасной
Картины той мнѣ не забыть!

Ахтырка, монастырь, 9 июля 1916

Я усталъ. Мнѣ ненавистенъ
Мутный бредъ людскихъ страстей,
Я усталъ отъ пошлыхъ истинъ,
Отъ враговъ и отъ друзей.

Стая злыхъ, тупыхъ, холодныхъ,
Трупъ подъ сгнившею парчей! —
Нѣтъ живыхъ, нѣтъ благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой.

Вѣру въ доблесть подрываетъ
Зависть жадная невѣждъ,
Ядъ сомнѣній разъѣдаетъ
Души полныя надеждъ.

Одинокъ, забытъ, печалень,
Межъ своихъ чужой брожу
И съ тоской на храмъ развалинъ
Свѣтлыхъ, юныхъ сновъ гляжу.

Но какъ пламень неугасный
Въ грозной тѣмѣ льдяныхъ полей
Тихо свѣтитъ взоръ твой ясный
Въ глубинѣ души моей.

Окутанъ городъ мглой таинственной,
Зажглись далекіе огни...
Иду къ тебѣ я, твой единственный,
Мы будемъ въ эту ночь одни.

Одни среди грозы, бушующей
Въ отравленной людской крови,
Одни съ пыланіемъ любви
Въ душѣ, о счастіи тоскующей.

Въ странѣ кровавымъ сномъ загубленной,
Въ странѣ печали и тревогъ,
Иду къ тебѣ, къ моей возлюбленной,
Прими страдальца въ свой чертогъ!

Жрецы и боги таинствъ сладостныхъ,
Мы горныхъ чувствъ зажжемъ огни,
Рабы, владыка миговъ радостныхъ,
Мы будемъ въ эту ночь одни.

ЛЮБОВЬ И ФЛИРТЪ

Любовь сильна тоской и тайной
Великихъ жертвенныхъ огней,
А флиртъ — актеръ игры случайной
На душной сценѣ скучныхъ дней.

Въ гостиной, въ словъ бронѣ холодной,
Блестящій рыцарь, всѣхъ милѣй,
Онъ въ лунномъ паркѣ — соловей,
А въ пущѣ страсти волкъ голодный.
Любовь тиха и прямодушна,
Флиртъ шумень, черствъ и неправдивъ,
Любовь скромна, мягка, послушна,
А флиртъ коварень, гордь, строптивъ.

ПОДРАЖАНИЕ КАРПАТОРУССКИМЪ НАРОДНЫМЪ ПѢСНЯМЪ

Доли просилъ сиротина бездомный я, —
Доли и мать не дала...
Ночка осенняя, ноченька темная
Душу тоской извела.

Ноетъ въ груди будто рана глубокая...
Какъ то дожждаться мнѣ дня?
Гдѣ же ты ясная зорька далекая,
Что позабыла меня?

Мы ль не слюбились съ тобой, ненаглядною,
Сладко, какъ любятъ тайкомъ?
Жизнь украшала ты пѣснью мнѣ складною,
Я твою косу цвѣткомъ.

Что же, не любъ тебѣ сталъ сиротинушка?
Ласки ль остыли его?
Въ сердце ль змѣею закралась кручинушка?
Бабы ль сварили чего?

Я ль тебя словомъ обидѣлъ неласковымъ,
Ночкой въ садочкѣ не ждалъ?
Только разочекъ взглянула ты глазками,
Всю тебѣ душу отдалъ.

Что навернулась слеза подъ рѣсницею,
Въ сердце упала огнемъ?...
Выйди, коханочка! За околицею
Ночь скоротаемъ вдвоемъ!

Намъ жизнь дала счастливый день.
Мы шли одни, чужіе людямъ,
Бѣжала въ даль сомнѣній тѣнь,
И такъ легко дышалось грудямъ.

Во власти чаръ незримыхъ струй,
Смѣясь, мечтали мы безопасно
И первый, долгій поцѣлуй
Мы повторяли бесконечно.

Любви волшебное звено
Мечты и жизнь въ одно спаяло,
И много счастья намъ дано,
Хотя и слезъ дано не мало.

Пускай друзья, пускай враги
Насъ судятъ вѣрно или ложно,
Что жизни трудные шаги
Мы ставимъ тихо, осторожно,

Что мы не смотримъ свысока
На тѣхъ, кто въ насъ нашель участие,
Что скорбь чужая намъ близка,
И счастье ближнихъ — наше счастье,

Но жарче насъ любить кто могъ?
Чье слаще было упоенье?
Чьей груди былъ счастливѣй вздохъ?
Созвучнѣй чьихъ сердецъ бѣенье?

Ивы туманные, ивы плакучія
Шепчутъ молитвы закатныя...
Слышатся странныя струи пѣвучія,
Шорохи, рѣчи невнятные. —

Сказка далекая, пѣснь колыбельная,
Тихая жалоба слышится,
Скорбь одинокая, грусть безпредѣльная
Въ сердцѣ уставшемъ колышется.

Солнышко красное радостно свѣтится,
Облачко тянется алое,
Съ дружкой ясною, съ грезою встрѣтится
Дума влечется усталая.

Сѣткою зыбкою нити осенія
Рѣютъ, снуютъ, развѣваются,
Грустной улыбкою грѣзы весеннія
Съ пройденныхъ dalej слетаются.

Пѣснь колыбельная неугомонною,
Тихою жалобой слышится...
Грусть безпредѣльная... Пропастью
сонною
Небо ночное колышется...

Не слушай пѣсни до конца,
Когда отъ скорби струны рвутся;
Пускай, пускай слились сердца,
Но души, души не сольются.
О, нѣтъ! Ты не поймешь меня
Твоей души мечтой безпечной,
Какъ морю не понять огня
Горящаго въ пустынѣ вѣчной,
Какъ не пойметъ полдневный зной
Тоску и грусть денницы блѣдной,
Какъ не пойметъ туманъ лѣсной
Тоскливыхъ воплей чайки бѣдной!
Прощай! Тепличному цвѣтку
Не знать лучистыхъ ласкъ лазури, —
Ты не поймешь, мою тоску,
Тоску души просящей бури.

ПРИЗНАНИЕ

Скованный тоскою вихремъ налетѣвшей
И недугомъ тайны сладостной разбитъ,
Я иду къ тебѣ съ душою наболѣвшей
Выплакать всю боль, всю горечь злыхъ обидъ.

Выплакать? Но плачетъ, кто какъ юность вѣритъ,
Чья душа еще какъ вешняя гроза,
Кто слезами горе, смѣхомъ счастье мѣритъ.
А моей груди давно чужда слеза.
Плачетъ, кто страданіемъ дѣлиться можетъ,
Въ комъ еще хоть лучъ надежды не угасъ...
Грудь мою вампиръ сомнѣній смутныхъ гложетъ,
Чувство, умъ другъ другу скорбный шепчуть сказъ.

Какъ мертвецъ, съ улыбкой, болью искаженной,
Я приду къ тебѣ, съ тоскою, чуждой всѣмъ...
Нѣтъ! Не вѣрь! Я лгу! Къ ногамъ твоимъ склоненный,
Призракъ, — я исчезну, — холоденъ и нѣмъ...

НАСТАНЕТЪ ЧАСЪ

Настанетъ часъ... И занѣмѣтъ
Въ гробу языкъ мой, и въ моемъ
Отшедшемъ образѣ ислѣбѣтъ
Что лишь земное было въ немъ..
И вся, объятая печалью,
Съ тоской въ груди и съ вѣщимъ страхомъ,
Ты станешь надъ нѣмой скрижалю,
Заговоришь съ зарытымъ прахомъ
И тайный смыслъ былыхъ рѣчей
Душой прозрѣвшей разгадаешь
И въ мракѣ гаснущихъ лучей
Незримо, тихо зарыдаешь.
Скорбя душою сиротливой,
Ты вспомнишь радостные дни,
Мечтанья юности счастливой
И чувствъ пылавшіе огни.
И какъ могильные цвѣты
Изъ щелей каменныхъ ступеней
Навстрѣчу имъ мои мечты,
Поднявшись свѣтлымъ роємъ тѣней,
Тебѣ забытый явятъ ликъ.
И, вспыхнувъ ласкъ тоскою жадной,
Въ бреду, счастливая на мигъ,
Ты поцѣлуешь камень хладный...

ДЕМОНЪ

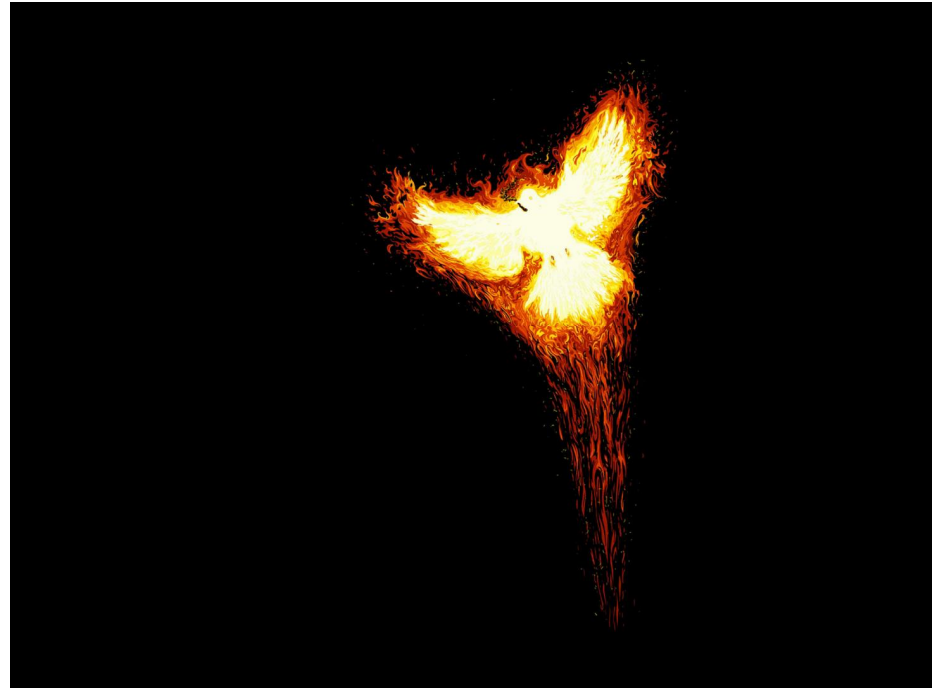
Вы знаете, кто я? Я — демонъ страсти!
Я тотъ, чїи тенета хитрой власти
опутываютъ сердце, жизни силу,
и сонмы душъ нодносятъ Азраилу.
Отець мой — гордый, сумрачный красавецъ,
отверженный измѣною лукавиць;
холодность безнадежная — мнѣ мать.
Отъ нихъ я родился; у колыбели
мнѣ горе, стыдъ и ревность пѣсни пѣлп:
и ядъ тѣхъ пѣсенъ исподволь проникъ
мнѣ въ душу, въ сердце, въ мой безплотный ликъ.
Средь пѣсенъ - думъ порочныхъ, безотвязныхъ,
среди соблазновъ и порывовъ грязныхъ
мой духъ безсильно и позорно палъ.
Иль нѣтъ! тотъ ядъ — онъ мнѣ безсмертье далъ!
Я, душъ людскихъ всевластный, вождь, и царь,
горжусь тобой, о страшный, мощный даръ!

И въ мїрѣ я превѣчно, дни и ночи,
какъ искуситель буду пресмыкаться,
какъ хищный звѣрь, потупя хитро очи,
надъ дѣтской лаской, надъ сердечнымъ другомъ,
надъ вашимъ добродѣтельнымъ супругомъ,
надъ вашимъ Богомъ буду надругаться!
Я храмъ святыхъ надеждъ въ душѣ разрушу,
я осмѣю молитвы предъ лампадой,
и жаждою безумной взвихрю душу:
ха - ха, молись! ха-ха, молись — и падай!

А не успѣю такъ добиться цѣли,
тогда я, красоту взявъ у искусства,
взбунтую ваши подкупныя чувства:
вселюся въ мраморъ формою чудесной,
блесну въ картинѣ краскою небесной,
разсыплюсь пѣсень чудною волною.
Иль надъ священнымъ пологомъ постели
какъ сонъ въ ночи явлюся сладострастный,
повисну грезой жгучей и всевластной
и обниму васъ нѣжной пеленою...

Я царь земли, вся жизнь въ моей есть власти!
Бы знаете, кто я? Я — демонъ страсти!

Маріанъ Глушкевичъ.

*Собрание стиховъ. Книга вторая. Львовъ 1907.
Издание кружка студентовъ.*

Какъ пріятно, какъ отрадно бываетъ выйти изъ душевной оранжереи съ ея экзотическими растеніями на свѣжій воздухъ и яркое солнце, на пышный лугъ, гдѣ легкой вѣтерокъ колышетъ незатѣйливые простенькіе, вѣчно милые, вѣчно ласкающіе взоръ полевые цвѣтки !

Какъ они просты, какъ свѣжи и какъ хороши !

Такое же чувство испытываешь, когда послѣ экзотическихъ произведеній новѣйшихъ русскихъ поэтовъ, оранжерейныхъ заведеній „Шиповника“, „Скорпіона“, „Вѣсовъ“, „Золотого Руна и Ко“ уходишь въ чтеніе — маленькой книжечки червонно-русскаго поэта Маріана Глушкевича.

Какъ они просты, какъ свѣжи и какъ хороши!

Маріанъ Глушкевичъ уже знакомъ Червонной Руси.

Въ 1903 году онъ выпустилъ небольшой сборникъ стихотвореній подъ названіемъ : „Мелодіи“ Это были дѣйствительно мелодіи, нѣжныя, звучныя, пѣвучія. Появленіе ихъ не осталось незамѣченнымъ. Въ «Славянскомъ Вѣкѣ» мы привѣтствовали его молодое дарованіе, въ «Галицко-Русскомъ Сборникѣ» извѣстный критикъ Ю. Яворскій, въ горячей статьѣ, называетъ Глушкевича „Червонно-Русскимъ Фетомъ“.

Да, Глушкевичъ въ „Мелодіяхъ“ напоминаетъ Фета.

Свѣтлый и жизнерадостный, нѣжный и причудливый, онъ чистый лирикъ, пѣвецъ молодости, весны, любви...

Нѣжность и мягкость звуковъ, изящность формы, красота образовъ, поэтическія грёзы и сны... Вотъ Глушкевичъ въ его „Мелодіяхъ“.

Прошло съ тѣхъ поръ пять лѣтъ. И въ только что вышедшемъ сборникѣ стиховъ мы находимъ ту ласкающую, благозвучную лирику.

Сгладились ея послѣднія шероховатости, исчезла порывистость. Въ ней, правда, больше грусти, чѣмъ въ „Мелодіяхъ“, больше сумерочнаго настроенія, но за то больше вдумчивости и глубины.

Не бредъ фантазіи, а вѣчно-юная природа даетъ поэту живописные узоры, образы, картины и сравненія.

«Закатъ какъ сонное дитя
Смежалъ лучистыя рѣсницы
И нивъ узоры золотя,
игралъ въ монистъ пѣвущей жницы !..»

Всѣ отливы и приливы чуткой души поэта тѣсно связаны съ природой. Для примѣра возьмемъ хотя бы слѣдующее стихотвореніе :

«Я ждалъ тебя подъ вечеръ вешній;
Въ саду, гдѣ яблони цвѣли,
Гдѣ бѣлымъ роемъ цвѣтъ черешни
Кружился въ золотой пыли, —
Когда съ небесъ мечта слетала
И снами душу окрыляла...
Я ждалъ тебя подъ вечеръ вешній...

И ждалъ тебя я ночью лѣтней...
Дремалъ въ туманѣ синій боръ
И все таинственней, привѣтнѣй
Луна глядѣла изъ за горъ.
Все чарами дышало, жило,
Все пѣло, грезило, любило...

И ждалъ тебя я ночью лѣтней ..

.....

И ждалъ-тебя въ глухую осень...
По саду вѣтеръ бушевалъ,
Въ изпомахъ тучъ мутнѣла просинь,
На вѣткѣ чахлый листъ дрожалъ,
Съ просонья птичка завопила...
Погасли зорьки... ночь слезила...
Я ждалъ тебя въ глухую осень...

Какіе тонкіе переливы чувства надежды, любви,
обманутости, въ каждомъ созвучіи они съ природой,
готовой расцвѣсти, цвѣтущей и блекнущей.

Помимо лирическихъ, въ сборникѣ слышатся иныя,
новыя струны, который въ „Мелодіяхъ" не встрѣчались.
Этотѣсни родной, народной скорби. Какъ дымка
развѣялись грезы и сны молодого поэта. Пѣвецъ любви,
весны, и прелести жизни, онъ встаетъ на бой за
гражданское бездолье своего народа. Возмужала его
душа, сложнѣе стали ея движенія, горизонтъ
расширился. И какая сила и мощь слышатся въ его
благородномъ возмущеніи и гнѣвѣ за попоранныя
народныя святыни!...

Поэтъ обращается къ народнымъ вождямъ,
забывшимъ свой долгъ и обязанности:

«Вы слышите? То — онъ — народъ,
Отъ васъ, закрывъ руками очи,
Бѣжитъ въ разбродъ въ пустыню ночи
И смутно ропщетъ и клянѣтъ!...»

Обманутый въ своихъ лучшихъ надеждахъ и
вѣрованіяхъ, народъ свой гнѣвъ обратитъ на тѣхъ,
которые не стали на стражу за его святыни:

«И вырвавъ камень въ мѣртвомъ склепѣ,
Онъ камень броситъ — въ вашу грудь!»

Еще съ большимъ подъемомъ, съ большей силой
написано другое стихотвореніе, изображающее вѣче,
судъ и расправу народа.

„Замолкни праздная арава!" — это самое сильное изъ гражданскихъ стихотвореній Глушкевича и оно лучше всего показываетъ, какой силы достигаетъ его чувство и въ какую могучую форму оно выливается !

Въ „Сказаніи о князѣ Романѣ Галицкомъ", въ „Сказаніи о княжичѣ и рыбацкѣ" Глушкевичъ является недюжиннымъ эпикомъ.

Онъ уловилъ духъ народнаго языка, овладѣлъ своеобразно языкомъ былинь. Это заслуживаетъ тѣмъ большей оцѣнки, что великорусскія былины очень мало извѣстны въ Галиціи и сильно разнятся отъ „малорусскихъ думъ", который хотя тоже мало знакомы, но по размѣру ближе галичанамъ.

Въ этихъ двухъ маленькихъ книжечкахъ стиховъ Глушкевича проявляется несомнѣнное дарованіе. Отъ него мы въ правѣ ждать еще многого. Конечно, каждый алмазь нуждается въ шлифовкѣ, каждое дарованіе требуетъ упорнаго труда на пути самосовершенствованія. Но главное — на лицо, искра Божія, остальное — приложится.

Глушкевичъ принадлежитъ къ той плеядѣ червонно-русскихъ писателей и поѣтовъ, какъ Залозецкій, Глѣбовицкій, Яворскій, Вергунъ, которые, подобно горнымъ ручьямъ и лѣснымъ родникамъ, послушные лишь голосу свободнаго Духа, изъ глубины народныхъ нѣдръ пробиваютъ себѣ сквозь галицкіе заросли и топи свободный путь въ необозримое родное море русской міровой литературы.

Пусть въ этомъ сейчасъ взбаламученномъ морѣ ихъ чистыя струи едва лишь замѣтны. Придетъ время, и ихъ животворная работа предстанетъ во всемъ ея значеніи...

Все впередъ и выше !

С. — Петербургъ.

Вѣра Вергунъ.

